

18+

Вячеслав Киктенко

КНИГА ГИМНОПЕНИЙ

Вячеслав Киктенко

Книга гимнопений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63100576

ISBN 9785005175434

Аннотация

Большинство народных песен горестны, жалобны, печальны. Русский фольклор, во всяком случае, состоит в основном из песен о женской, «горестной бабьей доле». Сложилась идея собрать «мужские» стихи. Не из корпуса народной и светской поэзии, а из своего творчества.

Содержание

АННОТАЦИЯ	5
Вячеслав Киктенко	6
КНИГА ГИМНОПЕНИЙ	6
АННОТАЦИЯ	8
КНИГА ГИМНОПЕНИЙ	9
Гимн гаммам	12
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Книга гимнопений

Вячеслав Киктенко

© Вячеслав Киктенко, 2020

ISBN 978-5-0051-7543-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АННОТАЦИЯ

Большинство народных песен горестны, жалобны, печальны. Русский фольклор, во всяком случае, состоит в основном из песен о женской, «горестной бабьей доле».

Сложилась идея собрать «мужские» стихи. Не из всего корпуса народной и светской поэзии, из своего творчества.

Вячеслав Киктенко

КНИГА ГИМНОПЕНИЙ

Предварение

Большинство народных песен горестны, жалобны, печальны. Русский фольклор, во всяком случае, состоит в основном из песен о женской, «горестной бабьей доле».

По сути это бабьи плачи. Очень красивые, невыразимо грустные. И неудивительно. Мужики уламывались на рбайте, женщины хлопотали по дому, пряли, пели колыбельные детям. О чём пели им? Да всё о ней же, о горькой бабьей долюшке.

Вот так и сложилось, что России – страна преимущественно женская, как по роду произношения – *она, Россия*, так и по сущности своей. Вот и пошла быть «*матушка-Русь*». И в песнях – матушка. А потом поэты с неизбывным постоянством называли ее женскими именами. А потом и Блок назвал... но уже не матерью, а женой.

И лирика наша, как вслушаешься в общую тональность – бабья. И доля русская, и вся-то жизнь наша не оттого ли во многом пассивная, страдательная? А то и унылая, заупокойная почти?

А вот сколько мужского начала, мужских песен? Трудовые (знаменитая «Дубинушка»), разбойничьи, военные... Есть и они, сильные мужские песни. Но женских несравненно больше. Проверено литературоведами, то же соотношение минорных («женских») стихов и мажорных («мужских») и в авторской лирике.

Лишь пятнадцать-двадцать процентов русской лирики в целом – «мужская», созданная в мажорной, жизнеутверждающей тональности. То же самое почти с каждым русским поэтом, взятым в отдельности. Почти у каждого восемьдесят процентов – «бабьи», хотя и мужчинами исторгаемые стоны, плачи о жизни, о загубленной судьбе, любви, стране...

Словно сами на себя горе накликаем. А горе всегда наготове, в отличии от радости, для которой силушку приложить надобно. Как говорил И. Анненский:

«Горю и ночью дорога светла...»

АННОТАЦИЯ

Большинство народных песен горестны, жалобны, печальны. Русский фольклор, во всяком случае, состоит в основном из песен о женской, «горестной бабьей доле».

Сложилась идея собрать «мужские» стихи. Не из всего корпуса народной и светской поэзии, из своего творчества.

КНИГА ГИМНОПЕНИЙ

Разметали узор многосложный
И смотали в единую нить.
Всё, что ложно теперь, что не ложно,
Не распутать, не разъединить.
Но когда на судилище скором
Рвут мне душу – ты за или нет,
Я молчу, я помедлю с разбором
Где мне кажется сутемь, где свет.
Но уж там, где кроют по живому,
В клочья рвут застонавшую ткань,
Подойду к рубежу роковому,
Заступлю за недобрую грань,
Этот искренний, этот лукавый,
Тут ошибка, там просто беда,
Это правый, а это неправый —
Я скажу наконец, и тогда
Тяжкий луч, из ночи извлечённый,
Благодарно поднимет рука...

Так целуют эфес золочёный
Разрубившего узел клинка.

Гимн Азбуке

Бог – от А до Я.
Зайди в любую избу,
Где края?
Центр в любой из букв.

Орнамент лица, переплёт
Морщин – знаньем горяч.
Ор сколь темна плоть
Вздор, если спор зряч.

В галактике букв, цифр
Любым завитком раскрывается и горит
Лабиринтов и недр шифр...
Спор крыт.

Приди к любому селу,
Печной огляди кут,
В красном постой углу,
Всё – тут.

Буквальна суть:
Подпол, чердак – низ, верх.
Матица – Млечный Путь.
Зерно – человек.

Встань в зоревую рань,
Центр огня угадай...
В любом сверкнет Божья грань.
Только сверкнуть дай.

Гимн гаммам

Как до ре ми фа соль ля си,
Как си ля соль фа ми ре до,
Летай по клавишам, сквози
По черно-белым – от и до.

Когда простое не постиг,
В чужом и сложном не кружись.
Сотворена из гамм простых
Вся эта музыка и жизнь.

Хоть верь, хоть бойся, хоть проси,
Форси, играя жизнь с листа,
И станет жизнь, как соль ля си,
Совсем проста, совсем проста.

Начнешь метать огонь и гром —
Разбудишь дремлющий орган,
Насквозь пронзённый серебром
Совсем иных каких-то гамм.

Зачем скрипучие ключи,
Когда скрипичный голосист? —
Звени, подсолнечно звучи,

Как луч, прозрачен и сквозист.

Живи, и смерть в себе носи,
Как носит воду решето,
От до ре ми фа соль ля си
До си ля соль фа ми ре до.

Гимн гитаре

Две гитары на Руси,
Две гитары, две гитары...
Подымись, заголоси —
Тары-бары-растабары,
Тёмная, цыганская...

А другая – русская,
Лебединая.
Её горло – узкое,
Её шея – длинная,
И высок-высок
Обрывающийся голосок...

А цыганская гитара —
Два притопа, три удара,
Плясовита, бесновата,
Басовита, басаната,

Покачнет, отчаётся!..
Не душа под яркой блузкой,
Волчий вой равнины русской
Под луной качается.

Две гитары на Руси,
Две подружки, две сестрицы,
У одной – взгрустнуть спроси,
У другой – возвеселиться,
Только знай не обноси,
Чтоб обеим – полны чары!
Две гитары на Руси,
Две гитары, две гитары...

Гимн ночной роще

Как разряд светоносный, исторгнутый в ночь мирозда-
нием,
Как зелёная молния, блещущая через листву,
Соловиный раскат, преломляясь в коленях, рыданьем
Напрягает пространство и долго волнует траву.
Чем ещё два волненья во тьме соловиного лета,
Чем ещё два пространства влюбленные соединить?
От звезды до травы льётся нить серебристого света!
От луны до ручья золотая протянута нить!

Гимн солнцу

Шаркало о камни жёлтым днищем.
Низко шло по дымному песку...
Это ещё станет пепелищем.
Здесь ещё изведают тоску.
Гордые, угрюмые народы
Здесь и в щель скалы воткнут копьё.
А пока – объяли душу воды.
И душа уходит в забытьё.
Всё ещё в порядке, всё в покое...
Только разъедает камни йод,
Только солнце, солнце золотое
На закате сильно устает,
Только ожидают год за годом
Кто исполнит мыслимый завет:
Просто встать – и прорасти восходом!
И закатом возвестить – Рассвет!

Гимн перстеньку

Только в самом начале, только в самом конце
Проступает так ласково свет на лице,
Этот призрачный свет, этот медленный свет,
Где концы и начала исходят на нет,
Где грядущего брезжит рассеянный блик,

Где минувшего собран проявленный лик,
Где уже не имеет значенья когда,
Потому что – теперь,
Потому что – всегда.

Кабы знал человек, что уже обречён!
Что уже не один, что уже – обручён,
В световое кольцо вовлеченный тайком,
Обручён им, как перст – золотым перстеньком!

Гимн пробуждению

Что такое стряслось? Что за новости в мире?
Что такое случилось со всеми подряд?
Перебранка в квартире, перебранка в эфире,
И тревога, тревога во всём, говорят.
Ну а я нынче утром впервые в оконце
После долгой болезни
Загляделся с тоской,
И весеннее солнце,
Весеннее солнце
Разливало по миру тепло и покой!
Тот же талый снежок с дымных кровель сочится,
Тот же свет в небесах, как и встарь, как и впредь...
Ничего не случится, ничего не случится,
Если только очнуться, и вдаль посмотреть!

Гимн Песне

Звезда к звезде – плывут, не отставая,
Переливая смутные цвета,
И лишь одна недвижна – осевая,
Полярная звезда, Прикол-Звезда.
Сияющие северные были,
Дремучие предания земли...
Кровавой мглой не раз её затмили,
Туманами её заволокли.
Но, воздвигая пламень тёмно-синий,
Сияла вновь из глубины времён
Звезда из звёзд, Прикол-Звезда, Россия
С кочующим созвездием племён.
Там, в глубине полей сырых, туманных
Чуть брезжило в дымках дворов и трав,
Вызвезживало тайное из тайных
И проступало сказкой, песней – в явь,
Движением кольцующим и плавным
Сливалось голос крови вековой,
И высилось из всех приколов – главным! —
Сплотившим души тайной круговой.
Так явь России – тайная, доколе
История взирает свысока,
Как на её таинственном приколе

Туманные вращаются века.
Так песнь, что ход времен окольцевала,
Пронизана дымком полей и сёл —
Её граница и её начало,
И зыби звёзд связующий прикол.

Гимны деревьям

1.

Каждому дереву – своя морщина.
Всякое дерево – на свой лад.
Но если горит одного вершина,
Корни другого
Переболят.
Дуб – серьёзный хозяин,
Терем ствола кручён,
Гриб под ногой – изваян.
Лист на руке – точён.
У темной воды, на солнце,
Смолкой озарена,
Словно как невесома,
Ясно стоит сосна.
Прозрачно стоит береза,
Запах – едва-едва,
Тоненько, несерьёзно
Оттуда,

Где трава...

Чистые мои деревья,
Любовь вам да совет,
К вам у меня доверье,
Мне дорог ваш тайный свет
Не городами – деревнями
Со своей грибной городьбой,
Со своими лучами,
Морщинами,
Со своими узлами,
Кореньями,
Женщинами, мужчинами,
Птицами и судьбой.

2.

Когда белого снегу пожалела зима,
Когда желтыми зубами заскрипела трава,
Деревья в саду сошли с ума,
И с проклятьями их побросала листва.
Забегали по саду деревья голые,
Кружились, гонялись за своей листвой,
Скрипели, хватались руками за голову,
Качались, кричали «Ой!»...
А листья летели бог весть куда
И присели на корточки бог весть где,

Разболтались с лягушками из пруда
И стали жить на болотной звезде —
Желтыми лягушками в квакающей воде.
(Пузырилось и пучилось там иногда
Болото – квакающая вода)
Ведь недаром однажды какой-то поэт
Возопил, что воды на земле уже нет,
Есть вода, чтоб над ней по ночам колдовать,
Есть вода, чтобы детям её целовать,
А воды, для того чтобы в ней проживать
Потихоньку простыл и след.
Лишь деревья корнями увязли в земле...
И дождалась белой воды их коренья,
Потому, что они очень готовились к зиме,
Сумасшедшие, старые деревья.

3.

Темнее ночи, тяжелы,
Зубами скрежеща,
Сидят бандиты – злы-презлы.
Кряхтят дубовые столы,
Ножами белыми
Пробиты.
Дубовый лес со всех сторон...
Изба. Разбитый патефон
Вращает жернова.

И брань ленивая, едва
Расстанется с нутром —
От кованных зубов отваливается,
От пасти к пасти переваливается
Как тихий гром.

Не удалось на этот раз...
И только молнии из глаз
Высовываются,
Как нож
Столовый —
Как нож столовый из хлебов...
Сидят, глядят, и всяк готов
Один другого – ну так что ж! —
Решить готовый.

А там, – в березовом леске,
В таком же дальнем закутке
Удачливо пируют,
Там льётся светлое пиво,
И круг вращается легко,
И музыка чарует.
Там над листвою мelenько
Прозрачный дождик льёт,
И золотая меленка
Червончики куёт.
И все улыбки – розовы,
И все столы – берёзовы,
И – свежесть из травы...

Отзывчивы, ответчивы,
Сидят, уже просвечивая
С ног до головы.
А небо тает вкрадчиво...
И облака прозрачные
Летят на голоса —
Сердца бандюг раздабривать,
Размачивать, разбадривать
Дубовые леса.

Гимн птице счастья

Памяти Евгения Курдакова

Птица сильная, птица красная, чистый гром-огонь,
Ты ли светлой молнией прынула в темный дом?
А не ты ли мне кинула такое перо на ладонь,
Что полыхнуло кругом!
А в пере том плещутся волны, валы огня,
Тайная в нем живет тишина, куполом-златом гудящая,
А не про тебя ли говаривали – ступицами лучей среди дня
По сквозь видимому ходящая?
Птица чудная!
Ноги красные из тележных колес
Выпростаешь – и катится с крыш колесо.
Птица грозная!
Черным железом нос
Выточишь-выкуешь – и выдолбишь вся и всё.

Птица светлая!

Сядешь на вербу – коса

Льется-светится от небес до земли.

А когда в ночь-полночь не видать ни зги,

Глядь, – из перышка Свет! —

Ровно твой дом изнутри зажгли.

Грудью ли мощною разбивала дуб-стародуб в щепу,

На яйцах ли золотых, катаемых облаками, высиживала

огольцов,

Крылом покрывала полмира, а потом опять на том же дубу,

На дубу молодом качала ярких птенцов.

Долго думал я – что за птица залетела ко мне

Из Алтайских гор, из дремучих лесов, из высоких неб,

А потом додумался: если птица – огонь, то не сгорит в огне,

Не измокнет на дне, не утонет во сне, и вообще никакого не

В ней не бывало – и нет!

Эта птица – Да,

Эта птица всегда

Озаряет мое окно,

И сердце мое,

И всё-всё

Озаряет... ну пусть отчасти...

Эта птица умеет нести одно,

И всегда умела нести лишь одно
Счастье.

Гимн Апорту

Здесь даже звук, застарев, грубеет,
Будто слова вырубал топор.
Про горы сказано мощно: Хребет.
Яблоко названо крепко: Апорт.
Ощути его красный хруст —
Зубы заноют! Вонзи до ядра!..
Яблоко дереву скорбный груз,
Если созрело ядро, и пора.
О, как они грохаются по ночам
На головы трав, на муравьёв,
Как будто звёздам бьют по очам,
Теряя зёрна миров!..
Стоит хребет. На хребте сады.
Солнечная сторона.
И горят фонарями плоды
С затворённою вспышкой зерна.

Гимн утру

Раковина, завинченная
До посвиста океаньего,

Свист развинти и вынянчи
Раковину мироздания!

Чтоб из пучины сердитой
Яростная, белопенная,
Блещущей Афродитой
Вышла Вселенная!

Чтоб в наготе перламутра,
В мир по песку взбегая,
В музыку мира, мудро
Смолкла бы, приникая
К раковине первоутра...

Отчизна!.. пена морская!..

Гимн пёрышку

Девчонка эта тоненькая, колючка неба перистого,
Ах, перышка чуть вздорного девичий взмах, каприз
Мелькания воздушного... так радостно не верится,
Когда все то же, детское, и лишь ресницы – вниз,
Когда уже намечены волнуяще, торжественно
Наивно-строгой линией недетские черты:
Глаза слегка увлажнены, продолговаты, женственны —
Землею преломленное мерцанье высоты!

Гимн студенчеству

(Вскладчину – от общаги до института – на такси)

В солнечный день, на такси,

Эх, на жужжащей оси,

Ух, на продольном валу!..

Ах... светофор на углу...

Шик! На булатной летим!

Курим, в окошко глядим,

Весело же, красота!

Жареный дым изо рта...

Солнышко бьёт в стекло.

Счетчик стучит зело.

Денежки так, едва,

Страшно им тут – Москва!

Горько им, дорогим,

Никнуть к чужим рукам,

Руки чужих – враги,

Мять их начнут ну как?..

В солнечный день на такси

Нако-ся, выкуси

Ты, контролёр, и все
Там, на троллейбусе.

Гимн зелёным пылинкам

Травы подземный ход сутул,
Тяжел к свету
Сквозь мглы косность...
Туманностью зеленой затянул
Планету
Травяной космос.

Но как легки и голосисты глади
Лужаек,
Как полны света!..
Здесь залегли с транзисторами дяди:
Май! —
Дядье лето!

Вновь бабочки вошли во вкус
Плутать —
Ах, одноночки...
Вновь надо по кукушке пульс
Считать,
Считать денечки.

Березовая роща зелена,
Запылены одежды слова,
Где всё мглисто.
Но от гармонии женщина хмельна
И от надежды новой —
Гармониста.

Распущена косынка и коса,
Но в чистом космосе
Её света
Вновь плавают березы
И глаза:
Раскосые, зеленые планеты.

Немолода, так что ж,
Но и трава
Немолода,
Ломая мглы заслоны,
А всякий раз права, нрава, права!..
И обнажает пыльные слова,
И наряжает их в туман зеленый.

И если взгляд участливых миров
Сюда проникнет вдруг,
Никчемны сострадания,
Так плавают в просветах —

Будь здоров! —
Веселые пылинки мироздания.

Гимн юности

Я страдал – значит жил,
Я любил – я страдал,
Плавил ад рудных жил,
Струнный рыд и металл.

Не жалею ничуть,
Что бродяжил и пел,
Что всегда кто-нибудь
Рядом быть не робел.

Дар свой в песню вложил,
Песню даром отдал,
Вместе с тучей кружил,
Вместе с солнцем светал.

День – с любимую путь,
Ночь – привал золотой...
...и стекал Млечный Путь
В сеновал молодой...

А сужала мой пыл

Человечинки ржа —
Из медвежьего пил
Голубого ковша.

В человечесий металл
Звёздный отзвук вложил,
Я любил – я страдал,
Я страдал – значит жил.

Гимн стране

В другой стране, в другом тысячелетье,
Где крупы лошадей чесали плети
Хвостов пушистых, где хвостов пышней
В полях вскипал ковыль, где от слепней
Мерк солнца зрак, где ночь слепляла мрак
Из мировых морок и прочих врак,
Где ночи, в общем, не было, была
Любовь, луна... и так была светла
Страна и жизнь, что просто не могли
Не оболгать их вытрепки земли,
Великие Слепни, и поскорей,
Перевирая бред календарей,
Лишить людей истории, любви.
Живи как хочешь... хочешь – не живи.
Коль не было былого, а была

Лишь небыль, русский миф, сплошная мгла,
То не было ни солнца, ни травы,
Ни совести... все были неправы!
Разливы без отлива – вот права.
Однако, не соборно, а прива...

Но отчего же Свет стоит иконно?

В другой стране, совсем в другом каком-то
Тысячелетье, измеренье – мы
Любили этот свет, и среди тьмы
Светил он для любого, кто не слеп.
Он восходил, как в мир восходит хлеб,
Как песня – из протяжной глубины,
Где времена и души сплетены
Совсем не так, как в снах календаря,
Таинственной, прочнее; и не зря
Его копили мы в самих себе...
И если не останется в судьбе,
Во времени, – пространства, не беда.
Он с вечностью уже. И навсегда.
И там он – свет, и здесь, на этом свете,
В другой стране, в другом тысячелетье...

Гимн хлебу

Мне снился каравай, до боли грудь щемящий.
Быть может, он хотел, чтоб вспомнил я... кого?
Мне снился круглый хлеб... он был еще дымящий...
И золотилась корочка его.

Тревожен этот сон, и радостен, я знаю,
Должно быть, он в ночи давно меня искал, —
Я выпекаю хлеб... но я не понимаю,
Но я ведь никогда его не выпекал!

А он стоял светло, как золотая башня,
Он испускал лучи от мощного лица,
А там, за ним, в дыму, – угадывалась пашня...
И города вдали... и сёла без конца...

А стол был – как земля! И хлеб сиял на блюде,
Как солнце, как зерно, взошедшее сквозь мрак.
Я чувствовал – кругом за ним стояли люди,
Но я не видел их!.. не понимаю как.

А он ещё дышал, дымился на престоле...
И смолото зерно. И я его испёк.
Я видел – и моя в нем золотилась доля!
Которая? – еще
увидеть я не мог.

Гимн воину
Н. Шипилову

В угаре, в аду озверевшей столицы,
Где нам не помог ни один бледнолицый
Шакал,
Ни квёлый таксист, ни калымящий дьявол,
Который лишь серой обдал – это я, мол,
В гробу вас видал...

Никто не помог нам до дому добраться...
Летели лучи, линовали пространство,
И вдруг, смяв их ритм, их размер,
Плечом растолкав за машиной машину,
Навстречу нам тяжко – один сквозь лавину —
Попёр БТР.

Ты помнишь водителя? Он был прекрасен.
Угрюм, краснорож, горбонос, безобразен,
Такого запомнишь навек.
Он мчал через ад в маскхалате пятнистом,
Ночной ягуар, он был тих и неистов,
Он был человек.

Он денег не спрашивал, молча нам веря,
Пускай мы устали, но мы же не звери,

Какой тут обман!..

Москва содрогалась от поступи грузной,
Качался туман, предрассветный и грустный,
И звёздный бледнел Океан...

Туманны, смутны неземные приметы,
Страшны ароматы, пары, андромеды,
Миры в антрацитных мешках...

– «Куда?..» – я рванулся к баранке сумбурно,
Но это не руль, а кольцо от Сатурна
Ходило в громадных руках.

– «Зачем? Здесь же тьма! Мы же ею зажаты!..»
Но тихий вожак наш, водитель, вожатый
Безмолвно на землю кивнул.

И стало светлеть – в рубежах, где мы жили,
Уже не туманы вставали – дружины
В седой караул.

Вставали, как звёзды, туманные лики,
Стога и шеломы, кольчуги и пики
Вкруг дома, погоста, вокруг
Светающей песни, полынки, березки,
И маковки синие – частые слезки
Росили пылающий луг.

И стало вдруг ясно отсюда до боли,
Что так беззащитно священное поле,
Что нету другого пути,
Пускай у соседей иная слава,
Россия военная все же держава,
Как тут ни крути.

Не север, не юг, не восток и не запад,
А весь этот мир, его цвет, его запах
И трепет, и пыл,
Все реки любви, все моря откровенья,
Весь гнёт покаянья, весь свет испугленья
Здесь горько из тьмы проступил...

– «Браток, там светает, а путь наш неблизкий...»

И он развернул свой штурвал исполинский,
И вновь затомила стезя,
Уже резануло полынью, скорее,
Чем ближе Отчизна, тем горечь острее,
Иначе нельзя!..

2

Так ясно увиделось это отсюда,
Из мглы далека, из озноба и худа,
Что стало понятно зачем
Вожатый разметил маршрут наш окольный, —

Не только же нечет и чад алкогольный
Маячит нам всем...

Но если не лгать, если руку на сердце,
Не дурно и дёрнуть под утро, согреться...
Братишка, отметим полет?
Пикируй в туман, к таксопарку, к болоту,
Отвалим карман молодому проглоту,
Развалим космический лед.

И – было пике!..

3

Но уж очень гумозно
Кривился шакал за окошечком...
Грозно
Нахмурилась башни броня,
И дрогнул шалман, – заурчали ворота,
Ночную бутыль закачало болото
В дымящихся проблесках дня.

Ты помнишь, как были чисты и морозны,
Грозою исхлёстаны, летние звезды?
Как жили свежо,
Распарены ливнем, деревья и травы?
Как потный стопарь нехорошей отравы

Продрал хорошо?

Прихлопнем – и баста. И всё! Но покуда
Рассветно мерцала и пела посуда,
К плечу прислонившись плечом,
Мы, кажется, тоже мерцали и пели,
И думать-гадать ни о чём не хотели,
Как будто и впрямь ни о чём.

Но молча мы пили – за женщин любимых,
За деток, Господнею волей хранимых
В ночи, где пылают стога,
За воина вечного в древнем шеломе,
Сквозь огонь пронизавшего в адском разломе
Огонь очага.

Гимн ногам

Я люблю велосипед с крыльями.
Дельтаплан я уважаю с колёсами.
Только больше всего мне нравится
Вечный двигатель человеческий.
Что крыло без колёс – это ведомо,
Это просто отрыв от действительности.
Колесо без крыла – это знаемо,
Приземленность и подвига минимум.

А вот ноги простые, без обуви,
От земли до звезды могут вымахнуть!
Самолёт хорошо катается,
И летать научился здорово,
Только петь мне его не хочется,
Потому что он глупый, как курица.
А вот ноги, былинно грядущие,
Я воспел бы словами не глупыми:
Это – корни, землей напоенные!
Это – тулова плодоносные!
Это – ветви, вселенной пропахшие!..

И не нужно мне прекословия.
Ибо тяга тоски человеческой
Неизбывна. А по свету белому
Не одна лишь дурная головушка
Их тягает, – тоска неизбывная...

Гимн грязи

И когда, погрузнев, чернозём зашатался, как пьяный, за-
хлюпал,
И дождём протемнел горизонт, точно веки сужая края,
Погружаясь в икру размозжившихся гранул и скрупул,
Верх и низ – плоским ртом – верх и низ пережёвывая, —
Вот уж тут, расфасована в сотах, в щелях баснословно-

го ада,

Заспиртована мифом, терциной рассосана всласть,
Поднялась Благодать – расплылась, растеклась виновато
Чёрной лывой по тёплой земле... и открылась великая

Грязь.

Так утробно урчали они, бессознания могучие хляби,
Жадно чавкая, распространяя такой беспредел, беспро-
свет,

Что орфеев позор помрачился мычащей тоскою по бабе,
По вползанию в зыбь, зарыванию в пах – позывным пре-
исподней в ответ.

И воспета ж, о Боже, она, – будто космос глухая арена,
Где в пазы гермошлема смердит, дышит кровосмеситель-
ством страсть

Метаробота, гермафродита, аллигатора, олигофрена,
Вся рептически кишащая эта, пузырящаяся эта мразь...

Вот отсюда – терпи! – распложается жизнь, вот её подос-
нова,

И предательством пахнет позыв плацентарную тьму
растолкать,

Подавить эротический бред, чад гнилого похмелья, и сно-
ва

В недоноски пробиться – сквозь гумус – и чахлое солнце
лакать,

И, брезгливо отдёгнув плеву, серовиево веко, где слизи,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.